

ІЮЛЬ.

1904.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 7.



С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Илбукова, Лаговская ул., д. № 34.

1904.

Памяти Антона Павловича Чехова.

2 июля, въ Баденъ-Вейлерѣ, въ Шварцвальдѣ, умеръ Антонъ Павловичъ Чеховъ. Онъ жилъ здѣсь три недѣли. Незадолго до смерти одному изъ друзей въ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“ онъ писалъ, что чувствуетъ себя очень хорошо, поправляется и „здоровье входитъ въ него пудами“. На этомъ основаніи газета напечатала замѣтку, которая сообщала о здороніи Чехова самымъ успокоительнымъ извѣстіемъ. Но это было лишь обманчивое самочувствіе, нерѣдкое у чахоточныхъ. Вскорѣ процессъ въ легкихъ обострился, питание начало падать, вѣсъ тѣла быстро понижался. Во вторникъ (29 іюня) безъ видимой причины появилось ослабленіе дѣятельности сердца. Приходилось прибѣгать къ возбуждающимъ средствамъ. Въ часъ ночи на 2 іюля больной проснулся отъ сильнаго удущья, а къ 3 часамъ утра умеръ „безъ агоній“, на рукахъ у жены.

Такъ быстро и неожиданно закончилась эта жизнь. Чеховъ умеръ только 44 лѣтъ отъ роду, въ расцвѣтѣ таланта... Несомнѣнно, что смерть эта отзовется въ тысячахъ сердецъ шепчущею грустью и, можетъ быть, особенно потому, что вѣжливость его въ послѣдніе годы была тоже обильна какою-то неутолимою печалью, къ которой, силою огромнаго „заразительнаго“ таланта, онъ сумѣлъ приобщить своихъ читателей... А между тѣмъ этотъ человекъ начиналъ свою литературную карьеру такими же заразительными, сверкающими и яркими несельемъ и сѣихомъ...

Какая порадоксальная судьба!..

Оъ Чеховымъ я познакомился въ 1886 или въ началѣ 1887 г. (теперь точно не помню). Въ то время онъ успѣлъ издать два сборника своихъ рассказовъ. Первый, который я видѣлъ въ одно изъ своихъ посѣщеній на столѣ у Чехова, назывался „Сказки Мельпомены“ и, кажется, составлялъ изданіе какого-то юмористическаго журнала. Самая вѣжливость его носила отпечатокъ, присущій нашей „юмористической“ прессѣ. На обложкѣ стояло: „А. Чеховъ“ вѣжливость изображенъ мольбертъ, а передъ нимъ—карикатурная фигура длиноволосаго художника. Если память мнѣ не замѣняетъ, этикетку эту рисовалъ братъ Антона Павловича, художникъ, умершій въ самомъ концѣ 80-хъ или началѣ 90-хъ годовъ, человекъ, какъ говорили, очень талантливый, но неудачливый... Эту первую книжку Чехова мало замѣтили въ публикѣ, и теперь рѣдко кто ее, вѣроятно, помнитъ. Но нѣкоторые (кажется, не всѣ) рассказы изъ нея вошли въ послѣдующіе изданія.

Затѣмъ, помнится, въ началѣ 1887 года появилась уже болѣе объемистая книга „Пестрыхъ рассказовъ“, печатавшихся

въ „Будильникъ“, „Стрекозѣ“, „Осколкахъ“ и на этотъ разъ подписанный уже фамиліей А. П. Чехова. Эта книга была замѣчена сразу широкой читающей публикой. О ней начали писать и говорить. Писали и говорили рано, но много, и въ общемъ это было большой успѣхъ. Въ газетныхъ некрологахъ и замѣткахъ упоминается о томъ, будто А. С. Суворинъ первый разсмотрѣлъ среди вороховъ нашего тусклаго русскаго „юмора“ неподдѣльными жемчужины Чеховскаго таланта. Это невярно. Первый обратилъ на нихъ вниманіе Д. В. Григоровичъ. Какъ кажется, онъ оцѣнилъ эти самородныя блестящія еще тогда, когда онѣ были разбросаны на страницахъ юмористическихъ журналовъ или, быть можетъ, по первому сборнику „А. Чехонте“. Кажется, Григоровичъ же устроилъ изданіе „Пестрыхъ рассказовъ“ и едва-ли не отъ него узналъ о Чеховѣ Суворинъ, который и пригласилъ его работать въ „Новое Время“. Въ первомъ же свиданіи мое съ Чеховымъ, Антономъ Павловичемъ показывалъ мнѣ письмо Григоровича. Одно изъ нихъ было написано изъ за границы. Григоровичъ писалъ о тоскѣ, которую онъ испытываетъ въ своемъ курортѣ, о болѣзни, о предчувствіи близкой смерти. И я живо помню, какъ Чеховъ, взявъ у меня изъ рукъ прочитанное письмо, сказалъ:

— Да, вотъ вамъ и извѣстность, и карьера, и большіе говоры...

Эта психическая нотка оказалась мнѣ тогда случайной въ устахъ веселаго автора веселыхъ рассказовъ, передъ которыми жнѣ только еще открывала свои заманчивыя дали... Но впоследствии я часто вспоминалъ и эти слова, и выраженіе, съ которыми Чеховъ произнесъ ихъ, и они уже не казались мнѣ случайными...

Послѣ выхода въ свѣтъ „Пестрыхъ рассказовъ“ имя Антона Павловича Чехова сразу стало извѣстнымъ, хотя оцѣнка новаго дарованія вызвала разнорѣчіе и споры. Вся книга, проникнутая еще какой-то южеской беззаботностью и, пожалуй, нѣсколько легкимъ отношеніемъ къ жизни и къ литературѣ, сверкала юморомъ, весельемъ, часто неподдѣльнымъ остроуміемъ и необыкновенной скатостью и силой воображенія. А нотка задумчивости, лиризма и особенной, только Чехову свойственной, печали, уже прокрадывавшіяся кое-гдѣ сквозь яркую смѣшливость,—еще болѣе отбѣляли молодое веселье этихъ, действительно „пестрыхъ“ рассказовъ.

II.

Въ то время въ Петербургѣ издавался журналъ „Сѣверный Вѣстникъ“. Издательницей его была А. М. Евреннова, редакция (первоначальная) состояла изъ бывшихъ сотрудниковъ „Отечественныхъ Записокъ“. Во главѣ ея стоялъ Ник. Конон. Михайловскій, близкое участіе принималъ Глѣбъ Ив. Успенскій и С. Н.

Южиковъ, а въ редактированіи беллетристическаго и стихотворнаго отдѣла участвовалъ А. Н. Плещеевъ. Меня приглашали тоже ближе прикннуться къ этому журналу, и я ѣхалъ въ Петербургъ между прочимъ и по этому поводу. Въ то время я уже прочиталъ рассказы Чехова, и мнѣ захотѣлось проѣхать черезъ Москву познакомиться съ ихъ авторомъ.

Въ тѣ годы семья Чеховыхъ жила на Садовой, въ Кудринѣ, въ небольшомъ, красномъ уютномъ домикѣ, какіе, кажется, можно встрѣтить только еще въ Москвѣ. Это былъ каменный особнячокъ, примыкавшій къ большому дому, но самъ составлявшій одну квартиру въ два этажа. Внизу меня встрѣтили сестра Чехова и младшій братъ, Михаилъ Павловичъ, тогда еще студентъ. А черезъ нѣсколько минутъ по лѣстницѣ сверху спустился и Антонъ Павловичъ.

Передо мною былъ молодой и еще болѣе молодой на видъ человекъ, нѣсколько выше средняго роста, съ продолговатымъ, правильнымъ и чистымъ лицомъ, не утратившимъ еще характерныхъ внешескихъ очертаній. Въ этомъ лицѣ было что-то своеобразное, что я не могъ опредѣлить сразу, и что впоследствии, по моему—очень мѣтко, опредѣлила одна женщина, при мнѣ познакомившаяся съ Чеховымъ. По ея мнѣнію, въ лицѣ Чехова, не смотря на его несомнѣнную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая простодушнаго деревенскаго парня. И это было особенно привлекательно. Даже глаза Чехова, голубые, лучистые и глубокіе, свѣтились одновременно мыслью и какой-то особенной, почти дѣтской, непосредственностью. Простота всѣхъ движеній, прѣмовъ и рѣчь была господствующей чертой во всей его фигурѣ, какъ и въ его писаніяхъ. Вообще, въ это первое свиданіе Чеховъ произвелъ на меня впечатлѣніе человека глубокаго жизнерадостнаго. Казалось, изъ глазъ его струится нескверпаякъ источникъ остроумія и непосредственнаго веселья, которыми были переполнены его рассказы. И въдѣтъ угадывалось что-то болѣе глубокое, чему еще предстоитъ развернуться и развернуться въ хорошую сторону. Общее впечатлѣніе было цѣльное и обаятельное, не смотря на то, что я сочувствовалъ далеко не всему, что было написано Чеховымъ. Но даже и его тогдашняя „свобода отъ партій“, казалось мнѣ, имѣетъ свою хорошую сторону. Русская жизнь закончила съ грѣхомъ пополамъ одинъ изъ своихъ короткихъ цикловъ, по обыкновенію не разрѣшившійся во что-нибудь реальное, и въ водухѣ чувствовалась необходимость некотораго „пересмотра“, чтобы пуститься въ путь дальнѣйшей борьбы и дальнѣйшихъ исканій. И поэтому самая „свобода“ Чехова отъ „партій“ данной минуты, при наличности большого таланта и большой искренности,—казалась мнѣ тогда, признаюсь, некоторымъ преимуществомъ. Все равно, думалъ я,—это ненадолго... Среди его рассказовъ былъ одинъ (кажется, оза-

главленный „Встрѣча“): гдѣ-то на почтовой станціи встрѣчаются неудовлетворенная молодая женщина и скитающийся по свѣту тоже неудовлетворенный, сильно избитый жизнью, русскій „иска-тель“ лучшаго. Тѣмъ былъ только намѣченъ, но онъ изумительно наполнилъ мнѣ одного изъ значительныхъ людей, съ которыми сталкивала меня судьба. И я былъ пораженъ, какъ этотъ безза-ботный молодой писатель сумѣлъ мимоходомъ, безъ опыта, ка-кой-то отгадкой непосредственнаго таланта, такъ вѣрно и такъ чѣтко затронуть самыя интимныя струны этого, все еще неумер-шаго у насъ, долголѣтнаго рудинскаго типа... И мнѣ Чеховъ ка-зался молодой дубкомъ, пускающимъ ростки въ разные ото-роны, еще криво и порой какъ-то безформенно, но въ которомъ уже угадывается крѣпость и цѣльная красота будущаго могучаго роста...

Когда въ Петербургѣ я рассказалъ въ кружкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ о своемъ посѣщеніи Чехова и о впечатлѣніи, которое онъ на меня произвѣлъ, — это вызвало много разговоровъ. Та-лантъ Чехова признавали всѣ единогласно, но къ тому, на что онъ направитъ еще не опредѣляющуюся большую силу, — относи-лись съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Отношеніе къ Чехову Михай-ловскаго читателямъ извѣстно: онъ часто и съ большимъ интере-сомъ возвращался къ его работамъ, признавалъ огромные раз-мѣры его таланта, но тѣмъ суровѣе относился къ нѣкоторымъ чертамъ, въ которыхъ видѣлъ неправильное отношеніе къ лите-ратурѣ и ея назначенію. Ни о комъ, однако, изъ сверстниковъ Михайловскій не писалъ такъ много, какъ о Чеховѣ, а въ по-слѣдніе годы, какъ это тоже извѣстно, онъ относился къ Чехову съ большой симпатіей... Во всякомъ случаѣ, въ то время, о ко-торомъ я рассказываю, „Сѣверный Вѣстникъ“ Михайловскаго хо-тѣлъ бы видѣть Чехова въ своей средѣ, и мнѣ пришло въ мысль упречь, что во время своего посѣщенія, я (тогда еще по-вичокъ въ журнальномъ дѣлѣ) не позаботился о приглашеніи Че-хова, — какъ сотрундика.

Въ слѣдующее свое посѣщеніе я уже заговорилъ съ Чехо-вымъ объ этомъ „дѣлѣ“, но еще раньше меня говорилъ съ нимъ о томъ же А. Н. Плещеевъ, заѣхавшій къ нему проѣздомъ че-резъ Москву на Кавказъ. Чеховъ самъ рассказалъ мнѣ объ этомъ свиданіи, подтвердилъ обѣщаніе, данное Плещееву, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ нѣкоторое колебаніе. По его словамъ, онъ начиналъ литературную работу почти шутя, смотрѣлъ на нее ча-стію, какъ на наслажденіе и забаву, частію же, какъ на средство для окончанія университетскаго курса и содержанія семьи *).

* Въ то время онъ былъ уже врачомъ, хотя и не практиковавшимъ, а брать его, Михайла Павловича, начинали тоже печататься въ юмористич. журналахъ (подъ псевдонимомъ).

— Знаете, как я пишу свои маленькие рассказы?.. Вот.

Он оглянул столъ, взялъ въ руки первую попавшуюся на глаза вещь, — это оказалась пепельница, — поставилъ ее передо мною и сказалъ:

— Хотите, — завтра будетъ рассказъ, заглавіе: „Пепельница“.

И глаза его засвѣтились весельемъ. Казалось, надъ пепельницей начинаютъ уже роиться какіе-то неопредѣленные образы, положенія, приключенія, еще не нашедшіе своихъ формъ, но уже съ готовымъ юмористическимъ настроеніемъ...

Теперь, когда я вспоминаю этотъ разговоръ, небольшую гостиницу, гдѣ за самоваромъ сидѣла старуха-мать, сочувственныя улыбки сестры и брата, вообще всю атмосферу сплоченной, дружной семьи, въ центрѣ которой стоялъ этотъ молодой человекъ, обаятельный, талантливый, съ такимъ, повидному, веселымъ взглядомъ на жизнь, — мнѣ кажется, что это была самая счастливая, послѣдняя счастливая полоса въ жизни всей семьи, — радостная идиллія у порога готовою начаться драмы.. Въ выраженіи лица и въ манерахъ тогдашняго Чехова мнѣ вспоминается какая-то двойственность: частью это былъ еще беззаботный Антоша Чехонте, веселый, удачливый, готовый посмѣяться между прочимъ надъ „унылымъ дворникомъ“, рекомендующимъ въ кухнѣ читать книги, и надъ парикмахеромъ, который во время стрижки узнаетъ, что его невеста выходитъ за другого и потому оставляетъ голову кліента недостриженной... Образы тѣснились къ нему веселой и легкой гурьбой, забавляя, но рѣдко волнуя.. Они наполняли уютную квартирку и, казалось, приходили въ гости заранѣе ко всей семьѣ. Сестра Антоша Павловича рассказывала мнѣ, что братъ, комната котораго отдѣлялась отъ ея спальней тонкой перегородкой, часто стучалъ къ ней ночью въ стѣнку, чтобы рассказать тему, а иной разъ и готовый уже рассказъ, внезапно возникшій въ головѣ. И оба удивлялись и радовались неожиданнымъ комбинаціямъ... Но теперь въ этомъ беззаботномъ настроеніи происходила замѣтная перемѣна: и самъ Антоша Павловичъ, и его семья не могли не замѣтить, что въ рукахъ Антоши не просто забавная и отчасти полезная для семьи игрушка. — но великая драгоценность, обладаніе которой можетъ сказаться очень отвѣтственно. Кажется, въ то время была уже напечатана (въ „Нов. Времени“) „Святою ночью“, чудная картинка, проникнутая глубоко захватывающей, обаятельной грустью, еще примирляющей и адовой, но уже какъ небо отъ земли удаленной отъ безцредметно смѣшливаго настроенія большинства „Пестрыхъ рассказовъ“. И въ лицѣ Чехова, недавняго беззаботнаго сотрудника „Осколковъ“, простудало какое-то особенное выраженіе, которое въ старину называли бы „первыми отблесками славы“... Я помню, что въ словахъ матери, видимо счастливой и гордившейся успѣхомъ сына, звучали уже грустныя ноты. Мы говорили съ

Автономъ Павловичемъ о поѣздкѣ въ Петербургъ и о томъ, гдѣ мы тамъ встрѣтимся, и г-жа Чехова сказала со вздохомъ:

— Да, мнѣ кажется, что Автоша теперь уже не мой...

Какъ это часто бываетъ, у матери было вѣрное предчувствіе...

Мы условились встрѣтиться въ Петербургѣ въ редакціи „Осколковъ“, гдѣ и дѣйствительно нашелъ Чехова въ назначенный день, въ кабинетъ редактора, г-на Лейкина. Здѣсь, между прочимъ, произошелъ небольшой инцидентъ: наканунѣ г. Лейкинъ похвастался передъ Чеховымъ прекраснымъ разсказомъ, присланнымъ въ „Осколки“ неизвестнымъ еще, начинающимъ авторомъ, помнится, изъ Царскаго Села. Редакторъ пришелъ въ восторгъ и пригласилъ автора для личныхъ переговоровъ, съ цѣлью привлечь его къ журналу. Чеховъ захотѣлъ прочитать рукопись. Оказалось, однако, что это былъ просто на просто одинъ изъ его собственныхъ очерковъ, старательно переписанный съ печатнаго и подписанный невѣдомой фамиліей. Лучшій признакъ извѣстности: плагиатъ уже, очевидно, оценилъ новое дарованіе и тянулся къ нему, какъ чужезданное растеніе..

III.

Черезъ нѣкоторое время первый журнальный разсказъ А. П. Чехова былъ написанъ. Назывался онъ „Степью“. Во время моего пребыванія въ Петербургѣ А. Н. Плещеевъ получалъ изъ Москвы письма, въ которыхъ Чеховъ писалъ, что работа у него подвигается быстро. „Не знаю, что выйдетъ, но только чувствую, что вокругъ меня пахнутъ степными цвѣтами и травами“,—такъ приблизительно (цитирую на память) опредѣлялъ Чеховъ настроеніе этой своей работы, и это же несомнѣнно чувствуется въ чтеніи. На этомъ первомъ „большомъ“ разсказѣ Чехова лежалъ еще правда отпечатокъ привычной ему формы. Нѣкоторые критики отмѣчали, что „Степь“ это какъ бы нѣсколько маленькихъ картинокъ, вставленныхъ въ одну большую раму. Несомнѣнно однако, что эта большая рама заполнена однимъ и очень выдержаннымъ настроеніемъ. Читатель какъ будто самъ ощущаетъ влѣаніе свободнаго и могучаго степнаго вѣтра, насыщеннаго ароматомъ цвѣтовъ, самъ слѣдитъ за сверканіемъ въ воздухѣ степной бабочки и за мечтательно-тяжелымъ полетомъ одинокой и хищной птицы, а всѣ фигуры, нарисованныя на этомъ фонѣ тоже проникаютъ оригинальнымъ степнымъ колоритомъ. Младшій Чеховъ (Михаилъ Павловичъ) говорилъ мнѣ, вскорѣ послѣ того, какъ разсказъ появился въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, что въ немъ очень много автобіографическихъ личныхъ воспоминаній...

Есть въ немъ, между прочимъ, одна подробность, которая

казалась мнѣ очень характерной для тогдашняго Чехова. Въ рассказѣ фигурируетъ Дениска, молодой крестьянскій парень. Выступаетъ онъ въ роли кучера, но дѣло, конечно, не въ этомъ, а въ темпераментѣ. Вричка съ путниками остававливается въ степи на привалѣ, въ знойный, удушливый полдень. Гораздѣ лучи жгутъ головы, откуда-то носится пѣсня, „тихая, тягучая и заунывная, похожая на плачь и едва уловимая слухомъ... Точно надъ степью носился невидимый духъ и пѣлъ“, или сама она, „выжженная, подумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и некриво убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну... вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощевія и влялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя“... Въ это время Дениска просыпаются первымъ изъ отдыхающихъ путниковъ. Онъ подходитъ къ ручью, плещетъ, аппетитно умывается, плескаясь и фыркая. Не смотря на зной, на тоскливый пейзажъ, на еще болѣе тоскливую пѣсню, неизвестно откуда несущуюся и говорящую о неизвестной винѣ, Дениска переполненъ ощущеніемъ бодрости и силы.

— А ну, кто скорѣе доскачетъ до осоки!—говоритъ онъ Егорушкѣ, главному герою рассказа, и не только одерживаетъ побѣду надъ усталымъ отъ зноя Егорушкой, но, не довольствуясь этимъ, предлагаетъ также скакать обратно.

Я какъ-то шутя сказалъ Чехову, что онъ самъ похожъ на своего Дениску. И действительно, въ самый разгаръ 80-хъ годовъ, когда общественная жизнь такъ похожа была на эту степь съ ее безмолвной истомой и тоскливой пѣсней, онъ явился беззаботный, веселый, съ избыткомъ бодрости и силы. То и дѣло у него неизвестно откуда являлись разные проекты и притомъ какъ-то сразу, въ готовомъ видѣ, съ мелкими деталями... Однажды онъ сталъ развивать передо мною планъ журнала, въ которомъ будутъ участвовать беллетристы, числомъ 25 „и всѣ начинающіе, вообще молодые“. Въ другой разъ, устремивъ на меня свои прекрасные глаза съ выраженіемъ внезапно соврѣвующей мысли, онъ сказалъ:

— Слушайте, Короленко... Я приѣду къ вамъ въ Нижній.

— Буду очень радъ. Смотрите же—не обманите.

— Непремѣнно приѣду... Будемъ вмѣстѣ работать. Напишемъ драму. Въ четырехъ дѣйствіяхъ. Въ двѣ недѣли.

Я засмѣялся. Это былъ опять Дениска.

— Нѣтъ, Антонъ Павловичъ. Мнѣ на вами не ускакать... Драму вы пишете одинъ, а въ Нижній все-таки приѣжайте.

IV.

Онъ сдержалъ слово, прїехалъ въ Нижній и очаровалъ всѣхъ, кто его въ это время видѣлъ. А въ слѣдующій свой прїездъ въ Москву и засталъ его уже за писаніемъ драмы. Онъ вышелъ изъ своего рабочаго кабинета, но удержалъ меня за руку, когда я, не желая мѣшать, собрался уходить.

— Я дѣйствительно пишу и непремѣнно напишу драму. — окавалъ онъ, — „Иванъ Ивановичъ Ивановъ“... Понимаете? Ивановыхъ тысячи... обыкновеннѣйшій человѣкъ, совсѣмъ не герой... И это именно очень трудно... Бываетъ ли у васъ такъ: во время работы, между двумя эпизодами, которые видны ясно въ воображеніи, — вдругъ пустота...

— Черезъ которую, — сказалъ я, — приходится строить мостки уже не воображеніемъ, а логикой?..

— Вотъ, вотъ...

— Да, бываетъ, но я тогда бросаю работу и жду.

— Да, а вотъ въ драмѣ безъ этихъ мостковъ не обойдешься...

Онъ казался нѣсколько расстроеннымъ, недовольнымъ и, какъ будто, утомленнымъ. Дѣйствительно, первая драма далась Чехову трудно и повлекла за собою первыя же серьезныя чисто литературныя волненія и огорченія. Не говоря о заботахъ сценической постановки, о геразіяхъ автора, видящаго, какъ далеко слово отъ образа, а театральное исполненіе отъ слова, — въ этой драмѣ впервые оказался переломъ въ настроеніи Чехова. Я помню, какъ много писали и говорили о нѣкоторыхъ безпечныхъ выраженіяхъ Иванова, напр. о фразѣ: „другъ мой, послушайте моего совѣта: не женитесь ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на курсисткахъ“... Правда, это говоритъ Ивановъ, но русская жизнь такъ болѣзненно чутка къ нѣкоторымъ наболѣвшимъ вопросамъ, что публика не хотѣла отдѣлать автора отъ героя; да, сказать правду, въ „Ивановѣ“ не было той непосредственности и беззаботной объективности, какая окозила въ прежнихъ произведеніяхъ Чехова. Драма русской жизни захватывала въ свой широкій водоворотъ вышедшаго на ея арену писателя: въ его проявленіи чувствовалось невольное влїяніе какой-то тенденціи, чувствовалось, что авторъ и нападаетъ и защищаетъ, и споръ шелъ о томъ, что онъ защищаетъ и на что нападаетъ. Вообще, эта первая драма, которую Чеховъ переделывалъ нѣсколько разъ, можетъ дать цѣнный матеріалъ для вдумчиваго биографа, который пожелаветъ прослѣдить исторію душевнаго перелома, приведшаго Чехова отъ „Новаго Времени“, въ которомъ онъ охотно писалъ въ началѣ и куда не давалъ ни строчки въ послѣдніе годы, — въ „Русскія Вѣдомости“, въ „Жизнь“ и въ „Русскую Мысль“... Везна-

ботная непосредственность роковымъ образомъ кончалась, начиналась тоже роковымъ образомъ рефлексія и тяжелое сознание ответственности таланта.

Слѣдующій на „Стеню“ рассказъ „Именины“ былъ тоже напечатанъ въ „Обзорокъ Вѣстникъ“. За нимъ слѣдовалъ третій, заглавія котораго я теперь не помню. Его настроеніе значительно усложнилось, а пожалуй и омрачилось вѣсколькими циничными, но еще болѣе грустно-скептическими нотами. Остальное памятно, безъ сомнѣнія всей читающей Россіи. За „Пестрыми рассказами“ послѣдовалъ сборникъ съ характернымъ названіемъ: „Въ сумеркахъ“. Затѣмъ „Хмурые люди“; затѣмъ въ „Русской Мысли“ появилась „Палата № 6-я“.—произведение поразительное по захватывающей силѣ и глубинѣ, съ какими выражено въ немъ новое настроеніе Чехова, которое я называю бы настроеніемъ второго періода. Оно совершенно опредѣлилось, и возмъ стала ясна неожиданная перемена: человекъ, еще такъ недавно подходившій къ жизни съ радостнымъ смѣхомъ и шуткой, беззаботно веселый и остроумный, при болѣе пристальномъ взглядѣ въ глубину жизни неожиданно почувствовалъ себя глубочайшимъ pessimistomъ. Къ третьему періоду я бы отнесъ рассказы, а пожалуй и драмы послѣднихъ годовъ, въ которыхъ звучитъ и стремленіе къ лучшему, и вѣра въ него, и надежда. Черезъ дымку грусти, порой очень красивой, порой разгадывающей и острой и всегда поэтической, эта надежда сквозитъ, какъ куполъ церкви дальняго города, едва видиме сквозь знойную пыль и удушливый туманъ труднаго пути... И надъ всѣмъ царитъ меланхолическое сознание:

Жаль только: жить въ эту пору прекрасную
Ужъ не придется ни мнѣ, ни тебѣ...

V.

Послѣ этихъ первыхъ встрѣчъ, довольно частыхъ вначалѣ нашего знакомства, мы видѣлись съ Чеховымъ все рѣже и рѣже. Наши литературныя связи и симпатіи (я говорю о личныхъ связяхъ и симпатіяхъ въ литературной средѣ) въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ были различны, и выходило такъ, что онъ перекрещивался рѣдко также и впоследствии, когда онъ сошелся съ родственными и имъ литературными кругами. Я тогда же (т. е. въ концѣ 80-хъ годовъ) сдѣлалъ было попытку свести Чехова съ Михайловскимъ и Успенскимъ. Мы вмѣстѣ отправлялись съ нимъ въ назначенный часъ въ Палеромль, гдѣ тогда жилъ Михайловскій и гдѣ мы уже встали Глѣба Ивановича Успенскаго и Александру Аркадьевну Давыдову (впоследствии издательницу журнала „Міръ Вождіи“). Но изъ этого какъ-то ничего не вышло. Глѣбъ Ивановичъ сдержанно молчалъ (тогда у него начинали уже появляться признаки

сильной душевной усталости я, пожалуй, предвѣстники болѣзни). Михайловскій одинъ поддерживалъ разговоръ и даже Александра Аркадьевна, — человекъ вообще необыкновенно деликатный и тактичный, — задѣла тогда Чехова какимъ-то рѣзкимъ замѣчаніемъ относительно одного изъ тогдашнихъ его литературныхъ друзей. Когда Чеховъ ушелъ, я почувствовалъ, что попытка не удалась. Глѣбъ Ивановичъ, съ которымъ мы вѣсть вышли отъ Михайловскаго, замѣтилъ, съ своей обычной чуткостью, что я огорченъ, и сказалъ:

— Вы очень любите Чехова?

Я попытался изобразить то чувство, которое у меня было къ Чехову, и то впечатлѣніе, какое онъ на меня производилъ. Онъ слушалъ съ обычнымъ своимъ задумчивымъ вниманіемъ и сказалъ:

— Это хорошо...—но самъ остался сдержаннымъ. Теперь я понимаю, что веселость тогдашняго Чехова, Чехова „Пестрыхъ разсказовъ“—была чужда и непріятна Успенскому. Самъ онъ когда-то былъ полонъ глубокаго и своеобразнаго юмора, острота котораго очень рано перешла въ горечь. Михайловскій чрезвычайно вѣрно и чрезвычайно нѣтко обрисовалъ въ статьѣ объ Успенскомъ ту цѣломудренную сдержанность, съ какой онъ сознательно обуздывалъ свою склонность къ слѣшнымъ положеніямъ и юмористическимъ образамъ изъ боязни профанировать скорбные мотивы апокалиптической русской дѣйствительности. Хорошо это или плохо,—я здѣсь разсуждать не буду. Думаю, конечно, что было бы прекрасно, еслибы люди съ такими природными задатками сѣхъ въ душѣ находили въ себѣ и въ окружающей атмосферѣ достаточно силы, чтобы побѣдить великое уныніе русской жизни своимъ еще болѣе сильнымъ сѣхомъ. Тогда мы имѣли бы, можетъ быть, мировые шедевры сатирической литературы. Но... мечтать можно о чемъ угодно, а фактъ всетаки состоитъ въ томъ, что современное русское уныніе само побѣждаетъ русскій юморъ, и это съ неизбежностью роковаго закона отразилось,—къ сожалѣнію, даже слишкомъ скоро—на самомъ Чеховѣ. Но въ то время еще было иначе, и я помню, съ какими скорбнымъ недоумѣніемъ и какъ пылко въ глубокой главѣ Успенскаго останавливались на открытомъ, жизнерадостномъ лицѣ этого талантливаго выходца изъ какого-то другого міра, гдѣ еще могутъ сѣяться такъ беззаботно и весело... Чеховъ тоже инстинктивно сторонился отъ назрѣвшаго уже въ Успенскомъ настроенія, которое сторожило его самого, и—они разошлись холодно, пожалуй съ безотчетнымъ нерасположеніемъ другъ къ другу.

Теперь нѣтъ уже обонхъ. Успенскій умеръ раньше, могила Чехова еще не закрылась, когда я пишу эти строки... Но оба сошли со сцены съ надеждой на будущее и со жгучей скорбью о настоящемъ.

Вспоминается мнѣ еще одинъ разговоръ съ Чеховымъ о Гар-

шнѣ. Не помню, было-ли это послѣ смерти Гаршина или подъ конецъ его омраченной жизни... Я недавно вернулся изъ Сибіри и во мнѣ еще были живы и свѣжи глубокія впечатлѣнія отъ ея величаво угрюмой природы и ея людей. И мнѣ казалось, что, если-бы можно было отвлечь Гаршина отъ мучительныхъ впечатлѣній нашей дѣйствительности, удалить на время отъ литературы и полятики, а главное—снять съ усталой души то сознание общей отвѣтственности, которое такъ угнетаетъ русскаго человѣка съ чуткой совѣстью... если-бы, вкратцѣ этого поставить его лицомъ къ лицу только съ первобытной природой и первобытнымъ человѣкомъ,—то, думаю, мнѣ, больная душа могла бы еще расправиться. Но Чеховъ возрадилъ съ категоричностью врача:

— Нѣтъ, это дѣло непоправимое: раздвинулись какія-то молекулярныя частицы въ мозгу, и ужъ свѣтъ ихъ не сдвинешь...

Впоследствии мнѣ часто вспоминались эти слова. Черезъ годъ-два „раздвинулись частицы“ у Успенскаго и, сколько ни искалъ онъ исцѣленія во „врачующемъ просторѣ“ родины, какъ ни метался по степямъ и ущельямъ Южнаго Урала, по горнымъ хребтамъ Кавказа, по Волгѣ и „заходустнымъ рѣкамъ“ средней Россіи,—ему не удалось страхнуть все глубже въѣдавшейся въ душу тоски, какъ и сознания „общей отвѣтственности“ передъ правдой жизни за всѣ ея неправды. А затѣмъ—„раздвинулись частицы“ и у Чехова. Правда это были частицы легкія, а не мозга, ясность котораго онъ сохранилъ до конца. Но кто скажетъ, какую роль въ физическомъ болѣзни играла та глубокая развѣдающая грусть, на фонѣ которой совершались у Чехова всѣ душевные, а значитъ и физическіе процессы...

Мои встрѣчи съ Чеховымъ во второй половинѣ 90-хъ годовъ уже были не часты и случайны. Въ періодъ уже опредѣлившейся болѣзни мы встрѣтились только 3—4 раза. Одинъ разъ, это было въ 1897 г., въ редакціи „Русской Мысли“. Въ то время я тоже былъ боленъ. Чеховъ разспрашивалъ меня со вниманіемъ товарища и врача и, выйдя изъ редакціи, на улицѣ задумчиво пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Ничего... вы поправитесь, увѣряю васъ,—вы поправитесь.

— И вы тоже поправитесь, Антонъ Павловичъ!—сказалъ и съ вѣрой, истекавшей изъ сильнаго желанія вѣрить.

— Да, да, надѣюсь... Мнѣ и теперь лучше,—отвѣтилъ онъ, и мы расстались.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его два года назадъ, въ Ялтѣ, куда я прїѣхалъ для разговора объ одномъ общемъ заявленіи. Чеховъ написалъ мнѣ, что хочетъ заѣхать въ Полтаву, и я предупредилъ его, зная, какъ ему это трудно. Онъ жилъ на своей дачѣ, которую построилъ (по художнически непрактично) подъ Ялтой; съ нимъ жила сестра и жена. Какъ и въ первую нашу встрѣчу сестра Чехова встрѣтила меня внизу, какъ и тогда Чеховъ

спустился по лестницѣ сверху У меня скалось сердце при этомъ воспоминаніи. Это былъ тотъ же Чеховъ, но куда дѣвалась его увѣренная, спокойная жизнерадостность? Черты обострились, стали какъ будто жестче, и только глаза все еще порой лучились и ласкали. Но и въ нихъ чаще видѣлось вставшее выраженіе грусти. Сестра рассказывала, что повременамъ онъ сидитъ цѣлые часы, глядя въ одну точку... Во время разговора онъ вынулъ лежавшую на столѣ книгу, недавно рекомендованную русскому читателю Л. Н. Толстымъ.

— Поленца, „Крестьянинъ“. Читали? Хорошая книга, — скавалъ онъ. — Вотъ еслибы мнѣ еще написать одну такую книгу... я считалъ бы, что этого довольно. Можно умереть.

Онъ умеръ раньше...

VI.

И опять невольно приходитъ въ голову сопоставленіе: Гоголь, Успенскій, Щедринъ, теперь—Чеховъ. Этими именами почти исчерпывается рядъ выдающихся русскихъ писателей съ сильно выраженнымъ юмористическимъ темпераментомъ. Двое изъ нихъ кончала прямо острой меланхоліей, двое другихъ безпросветной тоской. Пушкинъ называлъ Гоголя „веселымъ меланхоликомъ“, и это мѣткое опредѣленіе относится одинаково ко всемъ перечисленнымъ писателямъ... Гоголь, Успенскій, Щедринъ и Чеховъ...

Неужели въ русскомъ смѣхѣ есть въ самомъ дѣлѣ что-то роковое? Неужели реакція прирожденнаго юмора на русскую действительность, — употребляя терминологию линиковъ, — неизбежно даетъ ядовитый осадокъ, разрушающій всего сильнѣе тотъ соудъ, въ которомъ она совершается, т. е. душу писателя?..

Читатель простить мнѣ эти, можетъ быть, бессвязныя и безпорядочныя отроки, лишеныя претензіи разобраться до конца въ характерѣ и разбѣрахъ понесенной русскою литературою утраты. Разбраться придется еще много и процессъ этотъ большой и сложный. Эти строки продиктованы лишь непосредственно ощущеніемъ тяжелой потери...